

А. В. Дмитриев

Механизмы материального обеспечения полевых и гарнизонных полков русской армии в Сибири в середине XVIII в.

История русской армии XVIII в. до сих пор остается одним из наименее изученных в отечественной науке сюжетов. С тем большим основанием данную характеристику можно отнести и к отдельным ее аспектам, в частности, вопросу о материальном и финансовом обеспечении воинских частей, дислоцированных в восточной части Российской империи, на территории Сибири. Ни в обобщающих трудах по истории армии¹, ни в работах по сибирской истории XVIII в.² эта проблематика фактически не освещена. Исключения составляют лишь публикации А. С. Зуева, посвященные положению дел на крайнем северо-востоке Сибири в указанный период³. Правительственная политика в отношении сибирских гарнизонных войск на протяжении 30-х гг. XVIII в. стала предметом изучения в одной из наших предшествующих статей⁴.

Конечно, каждому специалисту известно, что на содержание армии и флота уходила большая часть бюджета Российской империи, начиная с эпохи Петра I. Но как функционировали на практике эти механизмы, какие государственные учреждения в центре и на местах были подключены к этому процессу? Об этом, как правило, почти не упоминается. Данная работа призвана хотя бы отчасти восполнить этот пробел. В фонде Сената Российского государственного архива древних актов (РГАДА, ф. 248) нами были обнаружены несколько дел, содержащих информацию по интересующим нас аспектам и относящихся к середине 40-х гг. XVIII в., т. е. к началу царствования императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761). Эти материалы и послужили источником для нашей публикации.

Уже после формирования в конце 1730-х гг. Новоучрежденных драгунского полка и пехотного батальона (в дополнение к трем пехотным и одному драгунскому

Дмитриев Андрей Владимирович, к.и.н., доцент Новосибирского государственного университета.

Эл. почта: khaldeus@academ.org

¹ *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII в. Очерки. М., 1958.

² *Быконя Г.Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (Формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск, 1985; *Акишин М.О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003.

³ См., напр.: *Зуев А.С.* Жизнеобеспечение гарнизонов крайнего северо-востока Сибири во второй половине XVII – XVIII в. // *Сибирь: проблемы истории повседневности XVII–XX вв.* Бахрушинские чтения 2005 г.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 39–58.

⁴ *Дмитриев А.В.* Политика правительства императрицы Анны Иоанновны (1730–1740) в отношении гарнизонных войск русской армии на территории Сибири // *Исторический ежегодник.* 2008: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2008. С. 72–88.

гарнизонным полкам, ранее находившимся в Сибири) власти столкнулись с немалыми трудностями в вопросе о снабжении данных соединений «мундирными и аммуничными вещами». Изначально правительство императрицы Анны Иоанновны (1730–1740) попыталось переложить все заботы по их материальному обеспечению на плечи местной администрации¹. Однако довольно быстро выяснилось, что эта задача вряд ли может быть выполнена за счет сибирских ресурсов, так что уже в 1740 г. последовали два указа Правительствующего Сената (от 28 августа и 22 сентября), согласно которым для драгунского полка и пехотного батальона предписывалось «ружье отпустить ис починочного с Тульских оружейных заводов за готовые из Сибирского приказа денги, а аммуницию, ежели из отборных от полков не имеется, построить от Военной канторы, а денги на то отпустить из Сибирского приказа»². Выполнение данного предписания было возложено на Военную кантору, специально за несколько лет до этого организованную в Санкт-Петербурге для контроля за остальными канторами Военной коллегии, находившимися в Москве³. Действительно, в 1741 г. из соответствующих московских кантор (Генерал-кригс-комиссариатской, Аммуничной и др.) в Сибирь были отправлены необходимые вещи на сумму в 16 090 руб. 35 коп., однако сумма эта из Сибирского приказа на счет Военной канторы так и не поступила, несмотря на неоднократно посылавшиеся из Петербурга в Москву промемории (11 апреля, 22 июля, 7 сентября, 24 октября)⁴. Сибирский приказ предпочел переложить эти расходы на Сибирскую губернскую канцелярию, куда 25 августа и 22 декабря 1741 г. были посланы соответствующие определения⁵. Вполне понятно, что никаких денег оттуда прислано не было.

В ходе последовавшей после прихода к власти императрицы Елизаветы Петровны перестройки центральных органов военного управления об этом долге никто не вспоминал. Когда 25 января 1742 г. был издан указ об отделении от Военной коллегии нескольких ее кантор (Генерал-кригс-комиссариатской, Обер-цалмейстерской и Аммуничной) и об образовании из них Главного комиссариата, то последний сразу был подчинен непосредственно Сенату, а Военная кантора, на счет которой должна была поступить указанная выше сумма, упразднялась вовсе⁶. Но когда 13 февраля 1744 г. в Главном комиссариате было получено доношение из Сибирской губернской канцелярии с приложенной ведомостью для выдачи Новоучрежденному драгунскому полку вещевого довольствия еще на 8 384 руб. 72 коп., там сразу вспомнили о старом долге. Промеморией, направленной 10 апреля в Сибирский приказ, комиссариат категорически потребовал заплатить сразу всю сумму (24 475 руб. 7 коп.), объявив, что «без присылки тех денег оных вещей в тот полк... отпущено не будет»⁷. Сибирский приказ, оправдываясь, отвечал в своей промемории от 11 мая, что не располагает подобной

¹ См. об этом: *Дмитриев А.В.* Политика правительства Анны Иоанновны... С. 84–86.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 426. Л. 958.

³ *Бескровный Л.Г.* Русская армия... С. 70.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 426. Л. 958 об.

⁵ Там же. Л. 959 об., 966 об.

⁶ *Столетие* военного министерства, 1802–1902. СПб., 1902. Т. 1: Исторический очерк развития военного управления в России. С. 30; *Бескровный Л. Г.* Русская армия... С. 71.

⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 426. Л. 958 об., 959.

суммой, ибо в том же 1741 г. уплатил на содержание лейб-гвардии Измайловского и Конного полков более 55 тыс. руб. Эти полки должны были ежегодно получать необходимые средства именно из Сибирского приказа, подобно тому, как в 1724 г. Петром I было определено «Преображенской и Семеновской полки положить на Сибирскую губернию»¹. Весной же 1744 г. в казне Сибирского приказа наличествовало лишь 2 991 руб. 17 коп.

В связи с этим приказные дельцы предложили комиссариату следующую схему: поскольку упомянутые драгунский полк и пехотный батальон должны получать жалование из таможенных и кабацких сборов Сибирской губернии, то «упователно, что... из определенной на то суммы в той губернии вычетные денги имеются». А поскольку в Сибирском приказе денег на оплату материального обеспечения этих подразделений нет, «да и впредь за положением платежа на Сибирской приказ вышеозначенных лейб гвардии полков» на поступление сколько-нибудь значительных сумм «надежды иметь невозможно», то и в будущем «на платеж за мундирные и аммуничные вещи надлежащее число по положенным ценам по Воинскому статуту в Главный камисариат отсылать» из доходов Сибирской губернии, «дабы в приеме и отвозе не могло быть ни малой остановки»².

Однако Главный комиссариат от предложенной схемы отказался и в доношении Сенату от 29 мая 1744 г. указал, что поскольку «как из Сибирского приказа, так и из Сибирской губернии денег не прислано», то «ежели ныне требуемые вещи... отпустить, то за неприсылкою и за прежде отпущенные вещи денег в камисариат в надлежащих положенных по Воинскому статуту расходех может воспоследовать недостаток»³. Решение Сената по этому делу последовало 19 июня: в сенатских указах за № 4591 и 4592 Сибирскому приказу было велено отпустить в Главный комиссариат всю требуемую сумму. Сибирский приказ сенатское решение исполнить не пожелал, утверждая, что «платить за то Сибирскому приказу не надлежит, понеже на строение того мундира велено вычитать из их жалованья, и прочие вещи строить из определенной на то суммы» из доходов Сибирской губернии⁴, поэтому платить комиссариату приказ не станет.

Согласившись с приведенными доводами, Сенат вынужден был 10 и 15 июля направить соответствующие указы под № 5826 и 5827 в Сибирский приказ и Сибирскую губернскую канцелярию. В них говорилось «о неупотреблении на другие расходы из вычетных за мундир и аммуничные вещи денег и об отпуске их без всякаго задержания» из губернской канцелярии Сибирскому приказу для дальнейшей передачи в Главный комиссариат⁵. Правда, речь шла не о 24, а лишь о 8 тыс. руб., т. е. старый долг не упоминался. Только когда, по настоянию комиссариата, к решению этого дела была подключена Военная коллегия (доношение в Сенат от 17 августа⁶), в очередном сенатском указе за № 9719 от 3 сентября подтверждалось требование о выплате всей суммы долга, с чем Сибирский

¹ См., напр.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 688. Л. 1468 об.

² Там же. Оп. 7. Д. 426. Л. 960.

³ Там же. Л. 960 об.

⁴ Там же. Л. 967.

⁵ Там же. Л. 970, 971.

⁶ Там же. Л. 973–975.

приказ вынужден был согласиться¹. Тем не менее, эпизод, на наш взгляд, достаточно показателен с точки зрения слабой организованности тех звеньев государственного аппарата, которые призваны были отвечать за материальное снабжение армейских частей. Вероятно, следует согласиться с мнением русских военных историков начала XX в., считавших произведенную императрицей Елизаветой децентрализацию вредной для военного управления².

Не лучшим образом обстояло дело и на местном уровне, в Сибири. В 1745 г. снова был поднят вопрос о том, по каким штатам – армейским полевым или гарнизонным – выплачивать жалование «обретающемуся при китайской границе» Якутскому пехотному полку. Мы уже упоминали, что решением Верховного тайного совета с 1730 г. этому полку были положены оклады жалования «против армейских пехотных полков»³, а добавочные суммы, необходимые для этого, по решению Сената и Камер-коллегии полагалось выдавать из собираемой здесь подушной подати, «из четырехгривенного збору Сибирской губернии»⁴. Однако уже с 1736 г. этот 4-гривенный сбор был «положен на артиллерию и фортификацию... отдан в ведомство Военной коллегии, и обще с семигривенным збором осигнуетца на положенные по стату и по табели воинские расходы и в артиллерию и фортификацию». В результате «за осигнованием остатку не бывает, и для того из того четырехгривенного збору реченному Якутскому полку к гарнизонному прибавочного в армейской оклад производить не ис чего»⁵. Поэтому за период с 1740 по 1744 г. из положенной ему суммы в 20 748 руб. 78 коп. полк недополучил 5 519 руб. 73 коп.⁶ За майскую же треть 1744 г. командир полка и оберофицеры вообще не получили жалования.

Чтобы выйти из создавшегося положения, Селенгинская гарнизонная канцелярия обратилась напрямую в Главный комиссариат. В своем доношении, поступившем в столицу 25 января 1745 г., она сообщала о задержке денежных поступлений из Иркутска, возникшей из-за того, что «по присланному из Главного комиссариата указу из подушного збору денежной казны... употреблять ни на что не велено, и для де того Иркутская провинциальная канцелярия об отпуске денежной казны за оным запретительным указом имеет опасность»⁷. В этих условиях селенгинские чиновники решили в качестве временных мер, «дабы за недачею жалованья и за нижней годовой мундир обер афицеры и салдаты и другия чины не могли приттить в крайнее убожество», выдать командам, находящимся в Якутске и на Камчатке жалование за 1744 г. по гарнизонным окладам, а солдатам, несшим службу по границе с Китаем, жалование «произведено из ымеющихся в полку разных званей и взятых из Селенгинской воевоцкой

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 426. Л. 978.

² См.: *Столетие* военного министерства... Т. 1. С. 30–31.

³ См.: *Дмитриев А. В. Политика правительства Анны Иоанновны...* С. 73–74.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 429. Л. 152 об. Об этом упоминал Г.Ф. Быконя: «Важной обязанностью регулярных полков был сбор подушных денег. В Восточной Сибири они шли на Енисейский и Якутский гарнизонные полки» (*Быконя Г.Ф. Русское неподатное население...* С. 190).

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 429. Л. 152 об.

⁶ Там же. Л. 149, 149 об.

⁷ Там же. Л. 149 об.

канцелярии из подушного збору заимообразно до присылки из Ыркуцка денежной казны армейское»¹.

Комиссариат, впрочем, отнюдь не выказал желаниа решать проблемы Якутского полка. В начале марта 1745 г. в доношении, адресованном Сенату, было заявлено: «Какие в Камисариате в денежной казне великие росходы имеютца, и напротив того, откуда какие ж по окладом недоплаты и долги, о том Правительствующему Сенату доволно известно. И от таковых великих, а особливо из разных мест незаплатных долгов Главному камисариату не толико с чрезвычайными росходами, но и кроме оных... исправитца едва возможно»². В связи с этим там же была высказана просьба, чтобы Сенат «на оную додачу денги Главному камисариату изволил приказать, кроме подушного збору, отпускать из другой суммы, откуда... за благо разсудить изволит». Стараясь, чтобы на них не была возложена прямая ответственность за решение поставленной задачи, чиновники комиссариата подчеркивали, что «Камисариат, сколько возможность ево имелась, чтоб ея императорскаго величества армия во всем была без недостатка, крайнее старательство прилагал и ныне прилагает», и опасались, что поскольку «Камисариат тому полку имеет производить одно положенное по табели гарнизонное жалованье, то оттого того полку служители могут понести в содержании своем крайнюю нужду, и того б на Камисариате не взыскано было неповинно»³.

Рассмотрев данный вопрос 12 марта 1745 г., сенаторы согласились с приведенными доводами и нашли выход: сохранить Якутском полку, «пока он при китайской границе пробудет», армейские оклады жалования, а выплачивать их «за показанными от Главного камисариата резоны, и за недостатком в том Камисариате за многими чрезвычайными росходы денежной казны, Сибирской губернской канцелярии до указа из Сибирской губернии доходов (кроме подушного збору), ис которых на Камчатскую экспедицию росходы чинены были, коих ныне не производится». Сумма доплаты, полагавшейся всем чинам полка сверх гарнизонных окладов, должна была составлять ежегодно 7 878 руб. 59 коп. Соответствующие указы от 21 марта за № 1289, 1290, 1291 и 1292 были отправлены из Сената в Главный комиссариат, Штатс-контор-коллегию, Сибирский приказ и Сибирскую губернскую канцелярию⁴. Казалось, дело можно считать завершенным, но не тут-то было.

Через полтора года, 29 сентября 1746 г., в Сенат поступил рапорт из Сибирской губернской канцелярии, подписанный 8 августа лично губернатором А.М. Сухаревым. Уже из преамбулы выясняется, что губернатор переложил исполнение сенатских указов на Иркутскую провинциальную канцелярию и пребывал в уверенности, что все будет выполнено в точности: «В силе тех указов Сибирская губернская канцелярия в той надежности была, что то непременно по тем указам исполнение действительно учинить может оная Иркутская провинциальная канцелярия». Но «токмо ис присланного июля 26 числа из Селенгинской гарнизонной канцелярии доношения в Сибирской губернской канцелярии усмотрено, что тот Якуцкой полк по оное число еще прибавочным денежным жалованьем оною Иркутц-

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 429. Л. 149 об., 150 об.

² Там же. Л. 152 об., 153.

³ Там же. Л. 153 об.

⁴ См.: Там же. Л. 157–160.

кою провинциальной канцеляриею не удоволствован»¹. Полагая, что иркутские чиновники пытаются переложить ответственность за выплату жалования полку на вышестоящую инстанцию, губернатор подчеркивал, что это должна делать именно Иркутская провинциальная канцелярия, «ибо за великими самонужнейшими и необходимыми расходами для доволствия обретающихся в Сибирской губернии армейских драгунских и пехотных полков и яичких казаков и здешняго Сибирского гарнизона полков же и нерегулярных войск и протчими ко изготовлению правянта расходами асигновать из ближних той провинции городов не ис чего»².

К сожалению, мы не знаем, что происходило в дальнейшем, и каким образом все-таки выплатили жалование Якутскому полку. В деле имеется только одно доношение из Иркутска, датированное еще осенью 1745 г., если верить которому, тамошний вице-губернатор Л. Ланг распорядился выдавать эти деньги из ежегодно поступающих от Иркутского магистрата кабацких сборов, ранее предназначавшихся для удовлетворения нужд Камчатской экспедиции, как это и предписывалось Сенатом³. Вероятно, в данном случае имела место обычная бюрократическая волокита, затянувшая исполнение решения, принятого в столице, еще на год.

Впрочем, центральное правительство шло на увеличение военных расходов очень неохотно и лишь в экстренных случаях. В том же 1745 г. попытались добиться установления себе армейских, а не гарнизонных окладов жалования, офицеры двух драгунских полков, дислоцированных в Западной Сибири. Об этом просили в своих доношениях, поданных 2 апреля командующему всеми воинскими частями Сибири генерал-майору Х. Киндерману подполковник Сибирского драгунского полка Я. Деграв и премьер-майор Новоучрежденного драгунского полка И. Кенеман⁴. Командующий поддержал их просьбу, а Военная коллегия, поставив этот вопрос на рассмотрение Сената, предложила уравнивать их с остзейскими гарнизонными полками, оклады жалования которых составляли 2/3 от полевых армейских⁵. Однако Сенат категорически отказал в удовлетворении этой просьбы⁶.

Расходы на материальное обеспечение сибирских полков вообще резко выросли именно с 1745 г., когда по указу императрицы Елизаветы туда были переведены сразу пять армейских частей: две пехотных (Ширванский и Нотебургский) и три драгунских (Луцкий, Олонецкий и Вологодский) полка, отданных под команду генерал-майора Киндермана. Попытка «удовольствовать» их силами казны Сибирской губернии поначалу провалилась. Уже в августе 1745 г. Киндерман доносил Главному комиссариату, что за январскую треть года эти полки жалования от Сибирской губернской канцелярии не получили, поскольку в Тобольской рентерее «за немалыми расходами и за осигнациями (кроме серебряных мелких денег, коих никуда в расход употреблять не велено) никаких сборов де-

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 429. Л. 161, 161 об.

² Там же. Л. 162.

³ См.: Там же. Л. 163–164.

⁴ См.: Там же. Л. 774–776.

⁵ Там же. Л. 776 об. Такое предложение относительно гарнизонных частей Сибири выдвигалось уже не первый раз. См. об этом: *Дмитриев А.В.* Политика императрицы Анны Иоанновны... С. 74.

⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 429. Л. 779.

нежной казны ничего не имеется»¹. Главный комиссариат, со своей стороны, так и не получил полагавшихся ему из подушного сбора Сибирской губернии за 1744 г. 18 с лишним тыс. руб., так что вынужден был предписать губернской канцелярии: «Хотя... тем денгам в Камисариат присылки не имелось, но оные уже по зборе содержат в той губернии в наличии для известной там впредь в денежной казне надобности, и никуда их... без особливых указов в росход не держать под немалым штрафом»². Даже о суммах, поступивших в казну по результатам подушного сбора за вторую половину 1744 и первую половину 1745 г., сведений из Сибири представлено так и не было. Последние ведомости, полученные в столице из Тобольска, давали информацию о суммах сборов лишь за первую половину 1744 г.

Стараясь добиться правды от сибирских чиновников, Главный комиссариат инициировал собственное расследование, угрожая, что «ежели паче чаяния полки от неотпуску денежные казны претерпят нужду, то в том ответ даст оная губерния». Уверенность эта основывалась на следующих расчетах: «Понеже во оной губернии с провинциями по исчислению Главного камисариата по прежним окладным ведомостям денежные казны... надлежало быть весма великой и доволной сумме... А хотя б оная губерния по нынешним ведомостям по окладу счисляет против прежняго толко едва не половину, но отчего такая великая убыль последовала, велено изследовать чего ради о том особое изследствие... учреждено»³. В Комиссариате считали, что «и по нынешним последним ведомостям 744 г. на вторую и сего 745 г. на первую половину надлежит быть в зборе около ста тысяч рублей». Обратили там внимание и на то, что «и по вышеписанной ведомости многие показаны росходы, не подлежащие до Камисариата, а особливо в выдаче 744 г. на генварскую и майскую трети тамошнему губернатору Сухореву в жалованье 529 руб. 86 коп., которых ис подушного збору употреблять не подлежало»⁴.

Расследовать, куда и какие суммы неправильно выдавались, поручили «обретающемуся в Сибири при следствии» бригадиру Юрлову. Более того, в указе Главного комиссариата от 9 августа содержалось обычное для того времени распоряжение «пока от той губернии обретающиеся там под командою генерала мазора Киндермана армейские полки как за прошедшую генварскую, так и за сию майскую треть удоволствованы не будут, и вышеписанных ответов и ведомостей в Камисариат не отправят, до того времени упомянутому бригадиру Юрлову реченного губернатора с товарищи держать в канцелярии без выпуску»⁵.

Все эти меры были также поддержаны Сенатом. Слушания по доношению комиссариата состоялись 16 сентября 1745 г., и уже через две недели сенатским указом предписывалось отправить из столицы в Сибирскую губернскую канцелярию и к генерал-майору Киндерману «в запечатанных кувертах указы» с капралом Невского пехот-

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 429. Л. 692.

² Там же. Л. 693 об.

³ Там же. Л. 695.

⁴ Там же. Л. 695 об. О том, что сибирский губернатор А.М. Сухарев брал себе жалование, не дожидаясь указов, упоминал М.О. Акишин. См.: *Акишин М.О.* Российский абсолютизм... С. 243.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 429. Л. 696, 696 об.

ного полка И. Богдановым ¹. Сенаторы даже добавили требование о том, чтобы «выданные в жалование тамошнему губернатору на две трети денги возвратить из другой суммы, а доколе те денги из другой суммы возвращены не будут, то ему губернатору выдачу жалования запретить» ².

Чем завершился данный эпизод, мы опять-таки не знаем, поскольку сведения о дальнейшем ходе событий в известных нам документах отсутствуют. Можно предположить, что, несмотря на содержащиеся в указах Сената угрозы и распоряжения выплачивать жалование находившимся в Сибири армейским полевым полкам «не смея никаких отговорок, дабы оные полки нимадой нужды притерпеть не могли, под опасением, ежели хотя в малом чем удовольствии им учинено не будет, и оттого оные полки понесут нужду, взятыя на той губернии немалого штрафа и тяжкого ответа» ³, решить проблему до конца так и не удалось. Известно, что губернатор А.М. Сухарев, несмотря на многочисленные следственные комиссии, направленные из Петербурга для расследования его деятельности, так и оставался полновластным хозяином Сибирской губернии, не обращая особого внимания на действия центрального правительства ⁴. По крайней мере, уже к 1747 г. он добился, чтобы деньги на содержание две пехотных полков шли не из сибирских доходов, а из государственной казны. Столичные же ведомства зачастую также пытались уклониться от необходимости осуществления этих выплат – достаточно упомянуть бесконечную переписку между Главным комиссариатом и Штатс-контор-коллегией на протяжении 1748 г., в ходе которой обе стороны перекладывали друг на друга ответственность за невыплату этим полкам «заслуженного жалования» ⁵.

Подведем итоги. Описанные события свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что в сфере материального обеспечения армейских и гарнизонных частей Сибири в середине XVIII в. дела обстояли, мягко говоря, неблагоприятно. Конечно, с одной стороны, это было неизбежным следствием отдаленности данного региона, но вместе с тем говорит и о заметной неэффективности работы соответствующих органов государственного и военного управления. Ситуация, характерная для второй половины предыдущего XVII в., когда гарнизоны военно-служилых людей в разных сибирских городах могли не получать жалования по несколько лет, в какой-то степени сохранилась и в эпоху империи, даже несмотря на то, что на всем протяжении XVIII в. государственная власть всегда старалась в первую очередь учитывать интересы вооруженных сил страны.

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 429. Л. 703, 704.

² Там же. Л. 703.

³ См.: Там же. Л. 707.

⁴ См.: Акишин М.О. Российский абсолютизм... С. 243–249.

⁵ См. об этом: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 435. Л. 406–449, 1040–1053. Данному сюжету мы надеемся посвятить отдельную публикацию.